

УДК 821. 111

DOI 10.25688/2076-913X.2021.42.2.03

С. Б. Королева

Английский романтизм в полемике о новом рае: Байрон vs старшие поэты-романтики

В статье рассматриваются вопросы о соотношении в поэзии старших английских поэтов-романтиков образов золотого века, возвращенного рая и Нового Иерусалима, постепенной трансформации содержания этих образов, об отношении байроновской интерпретации человека и человеческой истории через библейский миф к интерпретациям его старших современников. Доказывается, что для полемики о рае в поэзии английского романтизма важнейшими полюсами являются дискурс о потерянном и новом рае, сформированный в творчестве старших поэтов-романтиков, и трансформация этого дискурса с опорой на отрицание возможности всеобщего, равно как и индивидуального рая, в поле байроновских произведений.

Ключевые слова: Вордсворт; Кольридж; Байрон; библейский миф; Великая французская революция; образы золотого века; миф о рае.

Вопрос о новом рае является вопросом о возможности раз и навсегда данного или же многократно достижимого всеобщего или личного счастья. Для современного человека этот вопрос стоит особенно остро. Его провоцирует кризис разных ценностных систем, включая систему ценностей общества потребления, выстроенную вокруг понимания постоянного получения удовольствия как базовой ценности и счастья. Острота этого вопроса определяется и современными научными поисками в области биохимии, нейро- и биоэтики, направленными на то, чтобы найти рецепт всеобщего счастья или же чтобы поставить этические пределы внедрению таких рецептов.

В этом контексте обращение к полемике о новом рае, возникшей в английской поэзии эпохи романтизма под влиянием Французской революции и дальнейших событий в Западной Европе и США начала XIX в., является закономерной попыткой взглянуть в историю литературы как свидетельство не только эстетических, но духовно-интеллектуальных поисков ответа на вопрос, который так живо волнует сегодняшнего читателя.

Для старших современников Байрона Французская революция явилась знаком конца старой истории и предвестником прорыва к Новому Иерусалиму. Представление об этом в современном литературоведении устоялось. Оно четко артикулировано в разделе *Apocalyptic expectations by preachers and poets*

нортоновской «Антологии английской литературы» [14], в монографии и отдельных литературоведческих статьях [18; 20; 23]. В то же время недостаточно освещенными остаются такие вопросы, как соотношение в поэзии старших английских романтиков образов золотого века, возвращенного рая и Нового Иерусалима и постепенная трансформация содержания этих образов. Еще менее прояснен вопрос об отношении байроновской интерпретации человека и человеческой истории через библейский миф к интерпретациям его старших современников¹. Рассмотрим каждый из них последовательно.

В ранней поэзии В. Вордсворта и С. Т. Кольриджа Великая французская революция с равным постоянством изображается и как событие, ведущее к обретению потерянного рая и возвращению золотого века, и как прорыв к новому, небывалому блаженству. В ранней поэме Вордсворта «Прелюдия» / «The Prelude» (1798–1805) мотив возвращения человечества (Европы) в золотой век озвучен как предчувствие в словах о Франции, стоящей на самом пороге золотого века (golden hours):

Europe at that time was thrilled with joy,
France standing on the top of golden hours,
And human nature seeming born again [11, p. 346].

Неотделимым от него оказывается библейская апокалипсическая аллюзия на полное перерождение человеческой природы («And human nature seeming born again») после Страшного суда. Байрон не мог быть знаком с этими словами, так как поэма была издана впервые только в 1850 г., однако он внимательно читал многие другие произведения Вордсворта, включая поэму «Прогулка» / «The Excursion» (1806–1814) [21, p. 8–42; 22, p. 8–10]. В ней лирический герой прямо указывает на свое — уже прошлое — восприятие Французской революции через античный миф о золотом веке: она становится для него возвращением изобильного и свободного от неравенства мифологического правления Сатурна, отпрыска золотого века (I sang Saturnian rule / Returned — a progeny of golden years) [10, p. 444].

Мотив возвращения блаженства в связи с темой Французской революции не менее характерен и для ранней поэзии Кольриджа — другого старшего современника Байрона, творчество которого тот любил и хорошо знал [24]. В «Религиозных размышлениях» / «Religious Musings» (1794–1796) Кольриджа мотив возвращения блаженного состояния получает непосредственное выражение в призыве «Возвратись...», с которым автор — лирический герой — обращается к «чистой вере» и «кроткому благочестию» [7, p. 21]. Стихотворение завершается утверждением грядущего всеобщего спасения, первым шагом к которому поэту представляется Французская революция [7, p. 13, 23].

¹ В большом исследовании профессора Р. Глекнера о потерянном рае как центральном образе и сюжетной основе байроновского творчества проблема взаимоотношений мифа о рае у Байрона с дискурсом о рае у Вордсворта, Кольриджа и других старших английских поэтов-романтиков затрагивается, но не прорабатывается. См.: [19].

Современность в ранней поэзии старших английских романтиков (так же как и в религиозно-философских выступлениях английских мыслителей этого времени) представляла предвестником не столько простого замыкания исторического цикла на возвращении изначального блаженства человечества, сколько скачка-прорыва в небывалое, что лежит уже за пределами человеческой истории: к Новому Иерусалиму Апокалипсиса, в вечное царствование Христа [13]. В этом взаимоналожении библейского мифа и современности, мифа и истории переосмыслился не только второй, но и первый компонент. Библейский миф оказался моделью человеческой истории, основные сюжетно-смысловые моменты которой связывались с определенными этапами становления человеческого общества ретроспективно, с точки зрения современного перехода к существованию вне времени. Одно из наиболее ранних воплощений исторического осмысления библейского мифа — статья И. Канта «Предполагаемое начало человеческой истории» (1796), получившая широкий отклик среди современников [16].

Исходный пункт движения человеческой истории — пребывание пралюдей в Эдеме — в духе руссоистской философии и революционной эпохи переосмыслился в поэзии раннего английского романтизма как доцивилизационное состояние человека, близкого природе и свободного от социально-политических условностей. В «Религиозных размышлениях» Кольриджа «доцивилизационное» блаженство человека описывается в образах «первозданной эпохи», «праздного пастуха», «зеленой травы» [7, p. 18] и т. п.

В фокус поэтического изображения попадало и блаженное внутреннее состояние пралюдей, тем самым руссоистские мотивы получали существенное дополнение, углубление благодаря общехристианским представлениям о блаженстве истинной (жертвенной) любви. У Вордсворта в «Описательных набросках» блаженная «младенческая» пора человечества («he was Nature's child») связана с абсолютной свободой человека («Once Man entirely free»), включающей в себя неподвластность никаким законам, кроме законов разума и желания («Confessed no law but what his reason taught, / Did all he wished»), с одной стороны, и, с другой стороны, истинное соответствие образу Создателя («He, all superior, but his God disdained; wished but what he ought») [9]. Необходимым условием блаженства в стихотворении предстает пребывание человека на лоне природы, которая оказывается хранителем Божественной истины о счастье и гармонии.

Второй этап исторического движения в библейском мифе изображался в творчестве старших английских поэтов-романтиков как потеря человеком блаженного состояния в связи с появлением человеческого общества. Основным его свойством представлялось угнетение (oppression) человека через установление различных общественных институтов и норм. При этом причины угнетения в обществе поэты-романтики, в отличие от мыслителей эпохи Просвещения, искали прежде всего внутри человека.

Угнетение в стихотворении Кольриджа «Религиозные размышления» связано с пробуждением в человеке собственнических интересов. Следствием этих желаний становится появление собственности, а затем к власти приходят воины, владельцы и священники. Эгоистические желания порождают грехи, которые, в свою очередь, подавляют человеческую душу, лишают ее истинного знания. Угнетение человеческой души в стихотворении Кольриджа оказывается неразрывно связано с социально-политическим угнетением [7, р. 20].

В то же время создание и развитие общества и государства предстает в стихотворении Кольриджа закономерным этапом развития человеческой истории, необходимо влекущим за собой поворот к новому этапу. Именно развитие благости в грехе, творческой потенции в слепоте приводит человечество к заключительному третьему этапу человеческой истории — буре Французской революции, ассоциирующейся с новым царством блаженства. Эти ростки нового у Кольриджа, с одной стороны, связаны с личностью и учением Христа [7, р. 20, 22] (в этом поэт — наследник христианской традиции), а с другой — с идеями Просвещения, достижениями науки (и в этом он человек эпохи Французской революции). Ньютон, Хартли, Пристли в стихотворении предстают мудрецами и святыми, ведущими людей ко всеобщему спасению [7, р. 22].

Двусоставность угнетения в цивилизованном обществе рисуется в «Прелюдии» Вордсворта в образах угнетения свободы и творческой природы человека («Oppression under which even highest minds / Must labour, whence the are not free!»), а также в образах внутреннего угнетения человека неверными мыслями и чувствами («sorrow, disappointment, vexing thoughts, confusions of the judgement... <...> ...that had been turned aside from Nature's way...») [11, р. 351, 363–364]. Ростки счастья для человека скрываются у Вордсворта при этом не в движении человеческой мысли и духа, а в обращении к природе, к ее Божественной гармоничности.

Конечный этап человеческой истории в поэзии старших английских романиков имеет явственную печать современности: основным признаком прорыва к новому блаженству определяется борьба за социально-политическую свободу; предвестием этого прорыва становится Французская революция. В то же время вместе с приобретением внешней свободы поэты предвещают преобразование самой человеческой природы — преобразование, обещанное в Апокалипсисе.

В стихотворении Кольриджа «Ода уходящему году» / «Ode to the Departing Year» (1796) свобода (Liberty) приобретает божественный статус, поскольку несет с собой справедливость и правду [5]. В стихотворении «Религиозные размышления» автор провидит в наступающей эпохе торжество веры, смирения и «всемогущей, всеохватывающей любви» [7, р. 23].

Постепенно, во многом под влиянием развивающихся событий в Европе, в процессе которых революция во имя *liberté, égalité, fraternité* преобразовалась в хищнически-завоевательную войну, тенденция к интериоризации истории

в ее соединении с мифом усилилась. *Интериоризация* и *индивидуализация* в восприятии истории и человека в ней легли в основу осмысления библейского мифа в английской поэзии начала XIX столетия. Сюжетно-смысловые узлы изначального блаженства, грехопадения и страданий в состоянии лишенности рая и обретения нового блаженства (и одновременно восстановления старого) в зрелой поэзии Вордсворта, Кольриджа (а также Блейка и Саути) стали прочно увязываться с внутренним развитием человека. Апокалиптические ожидания *общественного преображения* сменились верой в *преображение личностное, индивидуальное*.

Образ лирического героя — человека, сливающегося в священном браке с природой и таким образом достигающего нового блаженства (библейских «новой земли и нового неба») — один из центральных в оде Кольриджа «Уныние» / «Dejection» (1802). К осознанному единству с природой человека должно вести «первичное воображение» — «живая сила и важнейший инструмент человеческого восприятия» («the living power and prime agent of all human perception»), как ясно формулирует Кольридж в главе XIII своей «Литературной биографии» / «Biographia Literaria» (1817) [4, p. 313].

Символом движения человека в противоположную сторону — к забвению своей единственности Другому и омертвлению — в зрелом творчестве Кольриджа становится Каиново братоубийство. Самым известным воплощением Каина у Кольриджа является, конечно, образ Старого Морехода, хотя «Скитания Каина» / «The Wanderings of Cain» (1797) не менее значимый в идейном отношении текст. Убивая Альбатроса в «Сказании о Старом Мореходе» / «The Rime of the Ancient Mariner» (1797–1798), Старый Мореход через внутреннее страдание постепенно прозревает именно потому, что в мире Кольриджа отделенность человека от мира, от Другого есть жестокое заблуждение. Основной чертой преображенного человека становится любовь к миру, несущая с собой истинное понимание Божественного бытия. «Тот молится праведно, кто любит всех: / Людей, и птиц, и животных», — говорит Мореход Свадебному Гостю в конце поэмы [6, p. 68].

Схожим образом миф (и не только библейский) переосмыляется в зрелом творчестве Вордсворта. В «Проспекте» / «Prospectus» (1798–1839, впервые опубликовано в 1850 г.) к несозданному «Отшельнику» / «The Recluse» — своего рода декларации творческой позиции зрелого Вордсворта — поэт отталкивается от понимания мифа как символа *общечеловеческого* развития, чтобы заглянуть в человека и увидеть путь, обозначенный мифом, внутри человеческой души («...Not Chaos, not / The darkest pit of lowest Erebus... <...> ...Into our Minds, into the Mind of Man, —/ My haunt, and the main region of my Song») [12, p. 302]. Здесь автор отсылает читателя к древнегреческому мифу только для того, чтобы отвергнуть значимость разговора о мире вообще и утвердить необходимость внимания к внутреннему развитию конкретного человека.

Исследуя природу мифологической традиции, автор обнаруживает существенное совпадение библейского мифа с античным: библейский рай (Paradise) в «Проспекте» оказывается в одном ряду с античным Элизиумом (Elysian groves), сливаясь с ним до неразличимости. Именно поэтому миф у Вордсворта предстает архетипом человеческого сознания — символическим образом движения человеческой души [12, р. 302]. Пафосом вордсвортского «Проспекта» оказывается утверждение достижимости счастья любым человеком здесь, на земле, в реальности обывденной жизни. Условием же обретения блаженства у Вордсворта, как и у Кольриджа, является целостное осознание человеком своего единства с миром.

Интерииоризация мифа, а через него и человеческой истории, заявленная в «Проспекте», обогащается его *индивидуализацией* в «Прелюдии». Помещающая в центр поэмы образ Поэта, который предстает одновременно автором, рассказчиком и ее лирическим героем, Вордсворт изображает путь отдельного человека, одаренного вдохновенными порывами, с развитым воображением, с конкретной, своей судьбой. Подчеркнутая психологически оформленная автобиографичность поэмы обеспечивает единичность, индивидуальность не только в изображении Поэта, но и в восприятии его образа читателем; исповедальность, дневниковость произведения создает эффект смешения, слияния планов художественной и реально-объективной действительности.

Таким образом, в прочтении библейского мифа о рае в своем творчестве старшие романтики Вордсворт и Кольридж (а также Саути и Блейк) проходят схожие пути. В их ранних произведениях основные сюжетные узлы библейского мифа являются важнейшим способом осмысления человеческой истории в русле последовательного перехода человечества от блаженной первобытной гармонии любви-единения к разделенному состоянию, связанному с эгоистическими желаниями и общественно-государственными формами угнетения, и к всеобщему преображению и новому блаженству. В зрелом же творчестве этих поэтов библейский миф о рае интерииоризуется и индивидуализуется, предстывая символом изменений конкретного человеческого сознания. Основные его сюжетные узлы связываются с изначальным блаженным состоянием человека, единого в самом себе, потерей этой цельности и приходом к новому блаженству через высвобождение творческой силы воображения.

Байрон в своем творчестве воспринимает от старших современников тенденцию к историческому прочтению, индивидуализации и интерииоризации библейского мифа, но при этом развенчивает другие константы двойственного осмысления ими библейской истории и современности: общая история человечества, равно как и индивидуальная история человека, неизменно циклически замыкается у Байрона на потере рая и невозможности обретения нового блаженства.

Разработка библейского мифа в творчестве Байрона связана с наложением на жесткую, имеющую ветхозаветные корни и кальвинистское происхождение,

вертикаль «Создатель – человек»², в которой Бог предстает недостижимо-отделенным, непостижимым для человека, интериоризованных и индивидуализованных представлений, порожденных эпохой романизма и утверждающих человеческую самость, а также просветительских представлений о зафиксированности положения человека в мире³. Жесткая иерархичность в этом смысловом поле сталкивается с индивидуальностью самости, с одной стороны, и с движением исторического времени — с другой. Результатом этого столкновения является особая картина мира, в которой человек неизбежно борется с Богом, личность — со всеобщим, а индивидуальное линейное время с общечеловеческим цикличным.

К сюжету о библейском рае как исходной точке человеческого существования (общечеловеческое прошлое) и как модели блаженного состояния в индивидуальном сознании (индивидуальное будущее) Байрон обращается в трех своих «метафизических» драмах. И в исторической (общечеловеческой), и в индивидуальной (психологической) трактовке идея старших романтиков о возвращении блаженства или прорыве к нему развенчивается.

Тема индивидуального рая, оказавшегося недостижимым для героя, стала сюжетной основой драматической поэмы «Манфред». Образ этого рая, осмысленного в связи с образом утраченного человечеством библейского Эдема, впервые появляется в первом монологе героя:

Sorrow is knowledge: they who know the most
Must mourn the deepest over the fatal truth,
The Tree of Knowledge is not that of Life. [1, p. 85]

Манфред еще до начала действия поэмы потерял свой Эдем; искомый в любовном союзе с alter ego героя Астартой, его личный рай предстает неизбежно несущим в себе собственное разрушение. Причину этого разрушения герой определяет в познании, или самопознании. Рассказывая о смерти своей возлюбленной, Манфред говорит Фее (акт II, сцена 2): «Оно [ее сердце] взглянуло на мое — и увяло» («It [her heart] gazed on mine, and wither'd») [1, p. 106]. Самопознание раскрывает человеку противоречивость его природы, в которой божество и прах (half dust, half deity) не соединяются, но враждуют друг с другом («[we] with our mix'd essence make a conflict of its elements») [1, p. 95].

По дисгармоничной противоречивости своей природы, Манфред неизбежно несет в себе зерна Каинова греха («thy brotherhood of Cain») [1, p. 94]: в этом Байрон не сближается, как может показаться, с Кольриджем, но отталкивается, отдаляется от него. У Кольриджа Каин — человек, не знающий о своем единстве с миром, но несущий зерна гармоничного бытия в единстве с природой; у Байрона любой человек — Каин по своей сути, поскольку гармония и единство не только с внешним миром, но и в самом себе для него недостижима.

² О роли кальвинизма, стоицизма и католичества в мировоззрении Байрона см., в частности, [17].

³ Об отношении поэзии Байрона к XVIII в. см., в частности, [17].

В этом Байрон, опираясь на скептицизм Гоббса и Бейля, на субъективизм Юма, спорит не только с Кольриджем, но со всеми старшими поэтами-романтиками, наследующими руссоистские (и шире — просветительские) представления о естественной праведности человека.

Перевооруживая концепцию старших романтиков о схватывании истины в единении с миром через воображение, Байрон утверждает связь между недосягаемостью гармонии и невозможностью познания истины. Единственно доступным и ограниченным средством познания для человека в байроновском мире утверждается разум (the Mind – the Spirit – the Promethean Spark) [1, p. 90], с его способностями анализировать, осознавать, исследовать.

Поиск *не столько индивидуального, сколько всеобщего рая* является тематически-сюжетной основой двух других «метафизических» драм Байрона, выстроенных вокруг библейских историй о Каине («Каин» / «Cain» (1821)) и Всемирном потопе («Небо и Земля» / «Heaven and Earth» (1821)). В первой из них этот поиск напрямую обусловлен потерей Эдема; именно значение потери актуализировано в авторской ремарке, вводящей первую сцену драмы: «Земля без Рая» («The Land without Paradise») [2, p. 213]. Поиск нового рая, по-разному осуществляемый всеми людьми-героями в драме, увязан, таким образом, с вопросом о причине потери первого (и единственного для человечества в мире Байрона) рая. На передний план в связи с этим выходят мотивы непознаваемости Бога и личной вины как основной черты общечеловеческого бытия.

В драме Байрона человеку оказывается недоступен уже не рай единства с миром (как в «Манфреде»), но рай смиренного согласия (с Богом, предначертанием, судьбой): общая потребность первой семьи к движению, ассоциируемому со знанием, толкает Еву к запретному плоду, а Каина (вслед за Люцифером) — в космическую бездну. Отталкиваясь от просветительской установки на спокойное приятие своего места в мире, выраженной в известной поэме Поупа в формуле «Знай себя, не дерзай исследовать Бога; / Естественный предмет изучения для человека — человек» («Know then thyself, presume not God to scan; / The proper study of mankind is Man») [8, p. 2561], Байрон, таким образом, раскрывает ее как ложную, недоступную человеку в противоречивости и подвижности его природы.

Результатом движения личности к познанию в мире «Каина» оказывается, подобно результату движения личности к самопознанию в мире «Манфреда», не обретение счастья, но отдаление от него. Каин проходит два этапа этого отдаления: отрицание правильности мироустройства и отрицание своей сопричастности миру. Этим двойным отрицанием определяется основная причина Каинова братоубийства: в этом акте он *внешне* (импульсивно, но закономерно) выражает то, что уже совершилось *внутренне*. А это, в свою очередь, обнажает для него самого бездну собственной несправедности и приводит к самопознанию. Каин, на которого Ангел Божий накладывает печать, признается: «Она жжет / Мое чело, но это жжение ничто в сравнении с огнем, выжигающим

меня изнутри» («It burns / My brow, but nought to that which is within it») [2, p. 273]. В этой соотнесенности преступления против Другого и самопознания Байрон оказывается близок Кольриджу. Дальнейшее движение человека в мире Байрона и Кольриджа, однако, выстроено по-разному: у Кольриджа — это движение к преображению и счастью, у Байрона — в будущее, неизвестное для персонажей, но известное для читателя отнюдь не как счастливое.

Вторая мистерия, в своем названии содержащая отсылку к утверждению возможного преобразования человека (человечества), столь характеризующее эпоху рубежа веков, развенчивает веру в прорыв к новому блаженству (New Heaven and New Earth). В драме небо и земля лишаются характеристики «новый»: Байрон снова обращен к прошлому, а не к будущему, в результате чего настоящее читателя и автора предстает результатом события, играющего в его произведении роль апокалипсиса, — великого потопа. Новый рай человечества оказывается, подобно индивидуальному раю человеческой личности, желаемым, но недостижимым: апеллируя к опыту читателя, Духи Земли (сцена 3) предсказывают существование человечества после потопа как полное скорби («Thy new world and new race shall be of woe») [3, p. 298]. Утверждение Иафета о грядущем бесконечном блаженстве («The eternal Will / Shall... <...> / Restore the beauty of her birth, / Her Eden in an endless paradise...») [3, p. 299–300] оказывается мечтой, или верой, — так из *реальности* общечеловеческого будущего в библейском мифе, из *действительности* индивидуального настоящего у Кольриджа и Вордсворта новый рай на земле в творчестве Байрона превращается в человеческую мечту, цель человеческих устремлений.

Таким образом, полемика о рае в поэзии английского романтизма складывается из эволюции дискурса о потерянном и новом рае в творчестве старших поэтов-романтиков и его трансформации в поле байроновских произведений, связанных с библейским мифом. В последних происходит резкое столкновение просветительских и кальвинистских представлений о мире с верой в достижимость всеобщего или индивидуального преобразования и блаженства — важнейших составляющих романтического дискурса о рае. При этом Байрон наследует такие общие черты этого дискурса, как интерпретация библейского мифа в аспектах современной истории и человеческой психологии, совмещение образа утраченного и нового рая, роль познания и самопознания в поисках блаженства.

Библиографический список / References

Источники / Istochniki

1. Byron Lord. Manfred [Электронный ресурс] // Works: in 7 vols. Vol. 4. London: Murray; New York: C. Scribner's sons, 1901. P. 79–136. URL: <http://www.gutenberg.org/files/20158/20158-h/20158-h.htm> (дата обращения: 10.02.2021).
2. Byron Lord. Cain [Электронный ресурс] // Works: in 7 vols. Vol. 5. London: Murray; New York: C. Scribner's sons, 1901. P. 199–275. URL: <http://www.gutenberg.org/files/23475/23475-h/23475-h.htm> (дата обращения: 12.02.2021).

3. Byron Lord. Heaven and Earth [Электронный ресурс] // Works: in 7 vols. Vol. 5. London: Murray; New York: C. Scribner's sons, 1901. P. 279–321. URL: <http://www.gutenberg.org/files/23475/23475-h/23475-h.htm> (дата обращения: 12.02.2021).
4. Coleridge S. T. Biographia Literaria, XIII // The Major Works. Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 155–482.
5. Coleridge S. T. Ode to the Departing Year // The Major Works. Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 31–35.
6. Coleridge S. T. The Rime of the Ancient Mariner // The Major Works. Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 48–68.
7. Coleridge S. T. Religious Musings // The Major Works. Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 13–23.
8. Pope A. An Essay on Man // The Norton Anthology of English Literature. New York; London: W. W. Norton and Co, 2000. Vol. 1. P. 2554–2562.
9. Wordsworth W. From Descriptive Sketches // The Norton Anthology of English Literature: in 2 vols. New York; London: W. W. Norton and Co, 2000. Vol. 2. P. 150.
10. Wordsworth W. Excursion // Complete Poetical Works. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Co, 1904. P. 408–525.
11. Wordsworth W. The Prelude // The Norton Anthology of English Literature: in 2 vols. New York; London: W. W. Norton and Co, 2000. Vol. 2. P. 305–383.
12. Wordsworth W. Prospectus to «The Recluse» // The Norton Anthology of English Literature: in 2 vols. New York; London: W. W. Norton and Co, 2000. Vol. 2. P. 301–303.
13. Priestley J. From «The Present State of Europe Compared with Antient Prophecies» // The Norton Anthology of English Literature: in 2 vols. New York; London: W. W. Norton and Co, 2000. Vol. 2. P. 143–144.

Литература / Literatura

14. Apocalyptic Expectations by Preachers and Poets // The Norton Anthology of English Literature: in 2 vols. / M. H. Abrams, S. Greenblatt (eds.). New York; London: W. W. Norton and Co, 2000. Vol. 2. P. 137–160.
15. Beatty B. Byron and the Eighteenth Century // Cambridge Companion to Byron. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 236–248.
16. Brown M. Romanticism and Enlightenment // Cambridge Companion to British Romanticism. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 25–48.
17. Byron's Religion / P. Cochran (ed.). Cambridge: Cambridge Scholars Press, 2011. 376 p.
18. Craciun A. Revolution, Romanticism and the Long Nineteenth Century [Электронный ресурс] // Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century. 2006. Iss. 2. URL: <https://19.bbk.ac.uk/article/id/1604/> (дата обращения: 10.02.2021).
19. Gleckner R. F. Byron and the Ruins of Paradise. Baltimore: Johns Hopkins Press; London: Oxford University Press, 1968. 365 p.
20. Kovavisarach M. Of Liberty and Revolutions: How Did the Romantics Change Poetry? // The Keats-Shelley Review. 2019. Vol. 33. P. 130–133.
21. Lord Byron: The Complete Miscellaneous Prose / A. Nicholson (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1991. 580 p.
22. McGann J. J. Byron and Wordsworth. The Annual Byron Lecture. Nottingham: University of Nottingham, 1999. 64 p.

23. Paley M. D. *Apocalypse and Millennium in English Romantic Poetry*. Oxford: Clarendon Press, 1999. 323 p.
24. Stevenson W. *Byron and Coleridge: The Eagle and the Dove* // *Byron Journal*. 1991. № 19. P. 114–127.

S. B. Koroleva

**English Romanticism Debating over the New Paradise:
Byron vs the Lake Poets**

The paper focuses on the images of the golden age, paradise regained and New Jerusalem correlating in the works by English Romantic poets of the first generation. It also regards the transformation of these images and responses to them in Byron's poetical works related to the biblical myth. It is proved that the concept of new paradise being so controversial due to it being basically formed by the aesthetic discourse concerning the lost and the new paradise (developed in works of the Lake Poets) and by transforming this discourse through the idea of inaccessibility of both the individual and the general paradise in Byron's poetry.

Keywords: Wordsworth; Coleridge; Byron; the biblical myth; the French Revolution; images of the golden age; myth of paradise.